

АВТОР-СОСТАВИТЕЛЬ
АЛЕКСАНДР КОЛПАКИДИ

ХМЕЛЬНИЦКИЙ

ДУМА О ГЕТМАНЕ БОГДАНЕ

Русская история

Борис Флоря

**Хмельницкий. Дума
о гетмане Богдане**

«Алисторус»

УДК 63.3(2)
ББК 94(47)

Флоря Б. Н.

Хмельницкий. Дума о гетмане Богдане / Б. Н. Флоря —
«Алисторус», — (Русская история)

ISBN 978-5-00222-036-6

Воссоединение гетманской Украины с Россией – историческое событие, которое имеет свои причины и следствия. Для понимания причин с точки зрения закономерности или случайности произошедшего, необходимо представлять этнический состав двух территорий, пережитые вместе некогда или недавно потрясения, достижения, прорывы и неудачи. Проявившееся информационное пространство позволяет установить связи между событиями, перевести их на уровень взаимосвязей в политической, экономической, военной, правовой и иных общественных сферах, узнать о сторонниках и противниках воссоединения. Объективность событий дополняется знанием субъективного фактора или, иными словами, значением личности гетмана Богдана Хмельницкого в этих событиях.

УДК 63.3(2)

ББК 94(47)

ISBN 978-5-00222-036-6

© Флоря Б. Н.
© Алисторус

Содержание

Е.Ю. Спицын,	6
К. Петкевич,	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Ред. – сост. А.И. Колпакиди
Хмельницкий. Дума о гетмане Богдане

© Колпакиди А.И., 2023

© Ассоциация книгоиздателей «Русская книга»

© ООО «Издательство Родина», 2023

* * *

Е.Ю. Спицын,
российский историк, автор издания
«Полный курс истории России для учителей,
преподавателей и студентов» в V томах
Дума о Гетмане Богдане

О происхождении Богдана (Зиновия) Михайловича Хмельницкого до сих пор существуют разные версии. Однако большинство историков, в частности Г.А. Санин и его украинские коллеги В.А.Смолий и В.С.Степанков, утверждает, что он родился 27 декабря 1595 года либо в богатом отцовском хуторе Суботов, который располагался на территории Корсунского, а затем Чигиринского старостата, либо в самом Чигирине [1]. Его отец Михаил Лавринович Хмельницкий был выходцем из так называемой боярской, или ранговой шляхты и долгие годы провёл на службе у польного коронного гетмана Станислава Жолкевского, а позднее у его зятя, корсуньского, а затем и чигиринского старосты Яна Даниловича. Вероятнее всего, и мать Богдана, которую звали Агафья, происходила из малороссийского шляхетского рода. Её отцом называли чуть ли не самого Богдана Ружинского, бывшего во времена Ивана Грозного гетманом запорожского казачества. Хотя ряд авторов, в частности те же В.А.Смолий, В.С.Степанков и О.Д.Бойко, считали, что она была реестровой казачкой [2]. Более того, по нормам польского права де-юре Б.М.Хмельницкий не принадлежал к шляхетскому сословию, поскольку его отец за какой-то неблагоприятный проступок был подвергнут инфамии и лишён шляхетского статуса.

Тем не менее в 1608 году, после окончания киевской братской (православной) школы, когда Богдану стукнуло 12 лет, отец послал его на учёбу в один из лучших иезуитских колледжумов – братскую школу во Львове, где все тогдашние «студенты» изучали вполне традиционный набор учебных дисциплин: старославянский, греческий и латинский языки, грамматику, риторику, поэтику, элементы философии, диалектику, а также арифметику, геометрию, начала астрономии, богословие и музыку [3]. А в 1615 году, после завершения традиционного для той поры семилетнего обучения, Богдан Хмельницкий, который помимо прочих наук в совершенстве овладел французским, польским и немецким языками, мог поехать в Варшаву и начать здесь блестящую карьеру при дворе самого короля Сигизмунда III. Однако его отец отозвал сына в Чигирин, где он начал ратную службу в Чигиринском полку рядовым реестровым казаком, находящимся на ратной службе у «польской коруны».

Уже в 1620 году, когда вспыхнула очередная польско-турецкая война, молодой Богдан вместе с отцом участвовал в походе великого коронного гетмана и великого канцлера Станислава Жолкевского в Молдавию, где Михаил Хмельницкий вместе со своим многолетним благодетелем погиб в знаменитой Цецорской битве, а сам Богдан попал в плен к неприятелю. Как полагают многие историки, два или три года тяжёлого рабства на турецкой галере (а может быть, и в свите одного из турецких адмиралов) не прошли для Богдана даром, поскольку в неволе он сумел выучить турецкий, а возможно, и татарский языки. Но в 1622 или 1623 году он вернулся в родные края, будучи выкуплен из турецкого плена либо каким-то безымянным голландским купцом, либо самим Сигизмундом III (1587–1632), либо его земляками – казаками Чигиринского полка, которые, памятуя ратные дела его погибшего отца, помогли матери Богдана собрать необходимую сумму для выкупа сына из турецкой неволи.

По возвращении в Суботов Богдана Хмельницкого вновь зачислили в королевский реестр, и с середины 1620-х годов он начинает активно участвовать в морских походах запорожцев на турецкие города, в том числе и в предместье Стамбула, откуда казаки вернулись в 1629 году с богатой добычей и юными турчанками. Хотя затем после довольно продолжитель-

ного пребывания в Запорожской Сечи, в 1630 году он возвратился в Чигирин и вскоре женился на дочери своего друга, переяславского полковника Якима Сомко, Анне (Ганне) Сомковне. А в 1632 году у него родился первенец – старший сын Тимофей, а вскоре он был избран сотником Чигиринского полка.

По данным польского хрониста Веспияна Коховского, именно в этом качестве Богдан Хмельницкий в 1630 году принял активное участие в знаменитом восстании запорожского гетмана Тараса Трясило. Однако ряд современных историков, в частности, Г.А.Санин, отрицают этот факт. Более того, в истории новых восстаний запорожских казаков против польской короны, в том числе Ивана Сулимы в 1635 году, имя Богдана Хмельницкого больше не встречается. Хотя достоверно установлено, что именно он в 1637 году, будучи уже войсковым (генеральным) писарем Запорожского войска, подписал капитуляцию низовских (не реестровых) казаков, потерпевших поражение в ходе нового восстания под руководством гетмана Павла Павлюка [4].

Вместе с тем, по утверждению «Летописи самовидца» [5], авторство которой приписывают Роману Ракушке-Романовскому, когда на польский престол вступил Владислав IV (1632–1648) и началась Смоленская война между Речью Посполитой и Россией, Богдан Хмельницкий участвовал в осаде поляками Смоленска в 1633–1634 годах. Причём, как установил харьковский профессор П.Н.Буцинский, автор магистерской диссертации «О Богдане Хмельницком», в 1635 году тот получил из рук польского короля золотую саблю за личную храбрость и его спасение от неприятельского плена во время одной из стычек с полками воеводы Михаила Шеина [6]. Правда, гораздо позднее, в разгар очередной русско-польской войны 1654–1667 годов, запорожский гетман якобы корил себя за эту королевскую награду, заявляя московским послам, что «сия сабля есть позор Богдана» [7].

Понятно, что после столь высокой награды Богдан Хмельницкий получил особое расположение польского короля и трижды – в 1636, 1637 и 1638 годах – входил в состав казачьих делегаций для представления Вальному (общему) сейму и Владиславу IV многочисленных жалоб и челобитий на насилия и разорения, чинимые городовым реестровым казакам со стороны польских магнатов и католической шляхты. Между тем, по информации ряда современных авторов, после знаменитой ординации 1638–1639 годов, которая существенно урезала права и привилегии реестровых казаков, Богдан Хмельницкий лишился должности войскового писаря и вновь стал сотником Чигиринского полка [8].

Тем временем в 1645 году Владислав IV, который уже давно враждовал с Вальным сеймом, решил спровоцировать новую войну с Османской империей, с тем чтобы под предлогом этого военного конфликта существенно пополнить Кварцяную (королевскую регулярную) армию, поскольку польские магнаты к этому времени полностью контролировали сбор Посполитого рушения, то есть шляхетского ополчения. С этой целью он решил опереться на казачью старшину и доверил свой план трём авторитетным персонам – черкасскому полковнику Ивану Барабашу, переяславскому полковнику Ильяшу Караиму (Армянчику) и чигиринскому сотнику Богдану Хмельницкому. При этом польский король даровал реестровым казакам свой Универсал, или Привилей, на восстановление их поруганных прав и привилегий, отнятых у казаков в 1625 году. Но до очередной войны с турками дело не дошло, поскольку «вербовка» казачьих войск королевской стороной вызвала страшное волнение среди польских магнатов и шляхты, и Владислав IV вынужден был отказаться от своих давних планов поквитаться с Вальным сеймом. Тем не менее королевский Привилей остался у казаков и, по разным данным, хранился втайне либо у Ильяша Караима, либо у Ивана Барабаша. Когда же польский король потерпел очередную неудачу в борьбе с магнатской оппозицией, то, по информации ряда авторов, в частности Н.И.Костомарова и Г.А.Санина [9], Богдан Хмельницкий хитростью выманил королевский Привилей и задумал использовать эту грамоту для своих далеко идущих планов. Надо сказать, что историки по-разному трактуют эти планы, но большинство из них

утверждает, что первоначально в планы самого Б.Хмельницкого, как и большей части казацкой старшины и верхушки православного духовенства, входило создание самостийной Казацкой державы, независимой от Турции, Речи Посполитой и России.

Между тем ряд современных авторов уверяют, что частое посещение Варшавы в составе казацких делегаций позволило Б.Хмельницкому якобы установить довольно доверительные отношения с французским посланником при польском дворе графом де Брежи, с которым вскоре был подписан секретный договор о посылке 2500 казаков во Францию, которые в рамках знаменитой Тридцатилетней войны (1618–1648) приняли активное участие в осаде Дюнкерка французским принцем Луи Конде. Причём, что интересно, по данным польских и французских хроник (например, Пьера Шевалье) и по мнению многих украинских и российских историков, Богдан Хмельницкий не просто получил личную аудиенцию у принца Конде во время пребывания в Фонтенбло, но и личное послание от вождя английских «революционеров» генерал-лейтенанта парламентской армии Оливера Кромвеля, который тогда возглавил вооружённую борьбу против английского короля Карла I. Хотя следует признать, что эта довольно ходячая версия опровергалась в работах известного советского историка В.А.Голобуцкого и современного польского историка З.Вуйцика, которые авторитетно утверждали: на самом деле в осаде и взятии Дюнкерка принимал участие отряд польских наёмников, которым командовал полковник Криштоф Пшиемский [10].

Тем временем весной 1647 года, пользуясь отсутствием Богдана в «родных Пенатах», чигиринский подстароста Даниэль Чаплинский, у которого с соседом была давняя личная неприязнь, напал на его хутор, разграбил его, увёз его новую «гражданскую» жену по имени Гелена, с которой тот стал жить после смерти первой жены, обвенчался с ней по католическому обряду и высек, по ряду свидетельств, чуть ли не до смерти его младшего сына Остапа, которому едва исполнилось десять лет.

Поначалу Хмельницкий стал искать правды и защиты в коронном суде, однако, не найдя их, получив в качестве возмещения ущерба всего 100 злотых, он обратился к королю Владиславу IV, который якобы заявил ему, что казаки, «владея саблею за поясом», сами вправе защищать свои законные права с оружием в руках. Возвратившись из Варшавы, он решил прибегнуть к «мудрому» совету польского короля и, опираясь на его же Привилей, начал готовить новое восстание запорожских казаков. Правда, вскоре некто Роман Пешта донёс о замыслах Богдана Хмельницкого чигиринскому старосте Александру Конецпольскому, который приказал арестовать его. Однако при поддержке своих сослуживцев по Чигиринскому полку, в том числе полковника Станислава Кричевского и есаула Кондрата Бурляя, которые сами были вовлечены в подготовку нового казачьего бунта, Б.Хмельницкий бежал из заточения и в начале февраля 1648 года во главе небольшого отряда казаков прибыл на остров Токмаковку [11]. Собрав вокруг себя местных запорожцев, он двинулся на остров Хортицу, в центр Запорожской Сечи, расположенную на Никитском Рогу. Здесь отряд Б.Хмельницкого разбил польский гарнизон и принудил к бегству черкасского полковника Станислава Юрского, казаки которого сразу влились в мятежный отряд реестровых и запорожских казаков, заявив, что «воювати козаками проти козаків – це все одно, що вовком орати».

В начале апреля 1648 года, вступив в тайные переговоры с крымским ханом Исламом III Гиреем (1644–1654), Б.Хмельницкий усилиями своего кума К.Бурляя, которому, по словам Григория Грабянки, Б.Хмельницкий «доверял более всех» [12], добился от него отправки в помощь запорожцам крупного отряда перекопского мурзы Тугай-бея, убедив того, что Варшава готовит войну с Бахчисараем [13]. Этот очень неожиданный внешнеполитический успех сыграл на руку Б.Хмельницкому, которого по возвращении в Сечь сразу избрали новым войсковым гетманом Запорожского войска. А уже в конце апреля 1648 года 12-тысячное крымско-казацкое войско, обойдя крепость Кодак, вышло из Сечи и направилось на встречу кварцярному отряду Стефана Потоцкого, который выступил с Крылова навстречу казакам. Причём

оба польных гетмана – коронный Николай Потоцкий и полевой Мартин Калиновский – остались в своём лагере, расположенном между Черкассами и Корсунем, поджидая подкрепления.

Тем временем Богдан Хмельницкий направился к устью реки Тясмина и встал лагерем на её притоке – Жёлтых Водах. Именно здесь 5-тысячный отряд под начальством Стефана Потоцкого был полностью разбит, а его юный предводитель – сын Николая Потоцкого – получил смертельное ранение и скончался. Затем крымско-казацкая армия двинулась к Корсуню, где в середине мая 1648 года на Богуславском шляхе произошла новая битва, которая окончилась гибелью почти всей 20-тысячной Кварцяной армии и пленением Николая Потоцкого и Мартина Калиновского, которых в виде дара «преподнесли» Тугай-бею.

Поражение у Жёлтых Вод удивительно совпало с неожиданной кончиной Владислава IV, вызвавшей ропот среди польской шляхты и магнатов. Причём, что интересно, по данным ряда историков, в частности Г.А.Санина, уже в июне 1648 года Б.Хмельницкий послал в Москву совсем ещё юному царю Алексею Михайловичу личное послание с необычным предложением выставить свою кандидатуру на выборы нового польского короля. И, хотя оно, разумеется, осталось без ответа, был важен сам факт установления прямых контактов запорожского гетмана с Москвой [14].

К концу лета на Волыни было собрано 40-тысячное посполитое рушение в составе польской шляхты и жолнеров, которое ввиду пленения обоих гетманов возглавили три коронных комиссара – Владислав Заславский, Александр Конецпольский и Николай Остророг, которых сам Богдан Хмельницкий в шутку называл «перина, дитина и латына». В середине сентября 1648 года обе армии встретились у села Пилявцы возле Староконстантинова, где на берегу речушки Иква крымско-казацкое войско вновь одержало блестящую победу и повергло неприятеля в паническое бегство, оставившего на поле брани 90 пушек, тонны пороха и огромные трофеи, стоимость которых составляла не менее 7 млн золотых.

После столь блистательной победы повстанческая армия устремилась к Львову, который, наспех покинутый польным гетманом Иеремией Вишневецким, стали защищать сами горожане во главе с местным бургомистром Мартином Гросвайером. Однако после взятия части львовских укреплений отрядом Максима Кривоноса львовяне выплатили казакам небольшую контрибуцию за снятие осады города, и в конце октября Богдан Хмельницкий направился в сторону Замостья.

Между тем в середине ноября 1648 года новым польским королём стал младший брат почившего Владислава IV Ян II Казимир (1648–1668), взошедший на престол в том числе и при поддержке самого Б.Хмельницкого и депутации казацкой старшины. В это время казацкое войско продолжало осаждать Замосць, взятие которого открывало дорогу на Варшаву, расстояние до которой было всего 230 верст или стай. Поэтому новый польский король начал переговоры с казацкой старшиной, которая настаивала на всеобщей амнистии, увеличения реестра Запорожского войска до 12.000 сабель, восстановления казацкого самоуправления и подчинения всех старост на территории Малороссии гетманской власти и т. д. Но уже в конце ноября, не ожидая конца переговоров, Б.Хмельницкий повернул свои войска назад.

В самом начале января 1649 года он торжественно въехал в Киев, где вскоре начался новый раунд его переговоров с польской стороной. Причём, по информации ряда авторов, в том числе Г.А.Санина и Н.И.Яковенко, которые ссылаются на свидетельства главы польской делегации, киевского воеводы Адама Киселя, перед их началом Богдан Хмельницкий заявил всей казацкой старшине и польской делегации, что ныне он, малый человек, ставший по воле Бога «единовладец и самодержец руський», выбьет «из лядской неволи весь руський народ» и отныне будет «воевать за нашу веру православную, потому что Лядская земля згинет, а Русь будет панувати» [15].

Уже в марте 1649 года Б.Хмельницкий, давно искавший надёжных союзников в борьбе с польской короной, по подсказке иерусалимского патриарха Паисия, остановившегося в Киеве

на пути из Москвы домой, послал к царю Алексею Михайловичу сечевого полковника Силуяна Андреевича Мужилковского с личным посланием, в котором просил его взять «Войско Запорожское под высокую государеву руку» и оказать ему посильную помощь в борьбе с Польшей [16]. Это послание было благосклонно принято в Москве, и по царёву приказу в Чигирин, где тогда размещались ставка и канцелярия запорожского гетмана, выехал первый русский посол – думный дьяк Григорий Яковлевич Унковский, – который подписал с Богданом Хмельницким следующее соглашение: 1) поскольку Москва в настоящий момент вынуждена соблюдать условия Поляновского мирного договора 1634 года, то она пока не сможет начать новую войну с Польшей, но окажет посильную помощь запорожскому гетману финансами и оружием; 2) Москва не будет возражать, если по просьбе запорожцев донские казаки примут участие в боевых действиях против польской короны.

Между тем Ян Казимир под жёстким давлением Вального сейма, объявившего сбор нового Посполитого рушения, неожиданно возобновил боевые действия против армии Б.Хмельницкого, осаждавшей Збаражский замок. Однако уже в начале августа 1649 года коронная армия под водительством самого короля оказалась полностью разбита под Зборовом, и он был вынужден сесть за стол переговоров. Правда, не с самим Б.Хмельницким, которого в Варшаве де-юре признали бунтовщиком, а с равным по статусу монархом – крымским ханом Исламом III Гиреем. Тем не менее в рамках Зборовского договора была дана «Милость Его Королевского Величества Войску Запорожскому на пункты, предложенные в их челобитной». Суть этих милостей состояла в следующем: 1) Варшава официально признала Б.Хмельницкого гетманом Запорожского войска и передавала ему в управление Киевское, Брацлавское и Черниговское воеводства; 2) на территории этих воеводств запрещалось расквартирование любых польских коронных войск, хотя местная польская шляхта получила право возвращения в свои владения; 3) численность реестровых казаков, находящихся на службе у польской короны, увеличивалась с 20 до 40 тыс сабель и т. д. [17]. Однако этот договор был крайне отрицательно встречен как в Польше, так и в Малороссии. Вальный сейм отказался его ратифицировать, а малороссийское селянство и казачество самочинно восстало против польской шляхты и магнатов, которые стали возвращаться в свои утерянные имения и восстанавливать прежний режим крепостного права в отношении местного населения.

Между тем Б.Хмельницкий попытался максимально использовать возникшее перемирие для поиска новых союзников в борьбе с польской короной. Заручившись поддержкой Москвы, где идею союза с запорожским гетманом в феврале 1651 года поддержал Земский собор, и Бахчисарая, заключившего новый военный союз с запорожцами, Богдан Хмельницкий возобновил боевые действия против Польши. Но в июне 1651 года под Берестечком из-за гибели Тугай-бея и предательства крымского хана Ислама III Гирея, бежавшего с поля боя и насильно задержавшего Б.Хмельницкого и И.Выговского в своём лагере, запорожские казаки потерпели сокрушительное поражение и вынуждены были вновь сесть за стол переговоров. В сентябре 1651 года воюющие стороны подписали Белоцерковский мирный договор, по условиям которого: 1) запорожский гетман лишился права внешних сношений; 2) в его управлении оставалось только Киевское воеводство; 3) численность реестровых казаков вновь сокращалась до 20 тыс. сабель и т. д.

В это же время самому Богдану Хмельницкому пришлось пережить и тяжёлую личную драму. Его вторая жена Гелена (в православии Мотрона), с которой он обвенчался в 1649 году, заподозренная в супружеской неверности с войсковым казначеем, по приказу Тимофея Хмельницкого, не любившего мачеху, была повешена вместе со своим вороватым любовником. А буквально через пару месяцев в лучший из миров ушли И.Вишневецкий и Н.Потоцкий, которые побили казаков под Берестечком. И уже в конце апреля 1652 года в Чигирине состоялся тайный военный совет Б.Хмельницкого со старшиной, где было принято решение готовиться к новым боевым действиям против Варшавы.

Новый мир с Речью Посполитой оказался ещё менее долговечным, чем прежний, и вскоре боевые действия возобновились с новой силой. Причём предотвратить их не смог даже глава русской посольской миссии боярин Борис Александрович Репнин-Оболенский, обещавший «забыть» нарушение поляками условий Поляновского договора, если Варшава будет в точности блюсти Белоцерковский договор.

Уже в мае 1652 года Б.Хмельницкий со своим старшим сыном Тимофеем в пух и прах разгромил под Батогом армию коронного польного гетмана Мартина Калиновского, павшего в этом сражении вместе со своим сыном, коронным обозным Самуилом Ежи. А в октябре 1653 года он разбил 8-тысячный отряд полковников Стефана Чарнецкого и Себастьяна Маховского в битве под Жванцем. В результате Ян II Казимир вынужден был пойти на новые переговоры и подписать Жванецкий мирный договор, который в точности воспроизводил все условия «Зборовской милости», дарованной им казакам в августе 1649 года.

Между тем ещё в конце марта 1653 года Б.Хмельницкий направил из Чигирина в Москву новое посольство во главе с природным шляхтичем Силуаном Андреевичем Мужилловским и полковником Кондратом Дмитриевичем Бурляем «с двойной задачей – установить связь со Швецией и уладить «украинское дело» в Москве». Как считают ряд историков, в частности В.К.Липинский, К.Д.Бурляй был приставлен к шляхтичу С.А.Мужилловскому для осуществления казацкого «военного контроля» над ним [18]. Однако вряд ли это так, так как в практике формирования Б.Хмельницким руководящего состава подобного рода посольств не наблюдалось соблюдение пропорции «шляхтич – казак». К тому же сам С.А.Мужилловский не нуждался в каком-либо контроле, поскольку гетман ценил его как «надежного дипломата, неоднократно выполнявшего его поручения в Москве, Литве, Турции и Крыму» [19]. Судя по всему, именно это посольство готовилось очень тщательно, так как самому Б.Хмельницкому была крайне важна поддержка Москвы, о чем зримо говорят его личные послания к трем ближним царским боярам – Борису Ивановичу Морозову, Ивану Ильичу Милославскому и Григорию Гавриловичу Пушкину. Поэтому именно К.Д.Бурляй, которого известный советский историк И.П.Крипьякевич прямо называл главой «промосковской партии» в окружении Б.Хмельницкого, и был послан в Москву [20]. Он же в апреле того же 1653 года сопровождал в Чигирин и «ответных» московских послов Артамона Матвеева и Ивана Фомина.

Тем временем в октябре 1653 года в Москве состоялся новый Земский собор, который по очередному, уже пятому по счёту, прошению гетманских послов Кондрата Бурляя, Силуяна Мужилловского, Ивана Выговского и Григория Гуляницкого наконец вынес твёрдое решение о принятии Запорожского войска под «высокую руку» русского царя и начале войны с Польшей.

Для оформления этого решения в ставку Богдана Хмельницкого было послано Великое посольство в составе боярина Василия Васильевича Бутурлина, окольничего Ивана Васильевича Алфёрова и думного дьяка Илариона Дмитриевича Лопухина в сопровождении 12 стольников и 200 стрельцов во главе с Артамоном Сергеевичем Матвеевым. В январе 1654 года в Переяславле состоялась Общевоисковая рада, на которой запорожский гетман, вся войсковая старшина и представители 166 «черкасских» городов дали присягу быть «вечными подданными его царскому величеству всероссийскому и наследникам его» [21].

В марте 1654 года в Москве в присутствии царя Алексея Михайловича, членов Боярской думы, Освящённого собора и гетманских послов – войскового судьи Самуила Богдановича и переяславского полковника Павла Тетери – был подписан исторический договор о воссоединении исконных русских земель с Россией. В соответствии с «Мартовскими статьями»: 1) на всей территории Малороссии сохранялась прежняя административная, то есть военнополовая система управления, «чтоб Войско Запорожское само меж себя Гетмана избирали и Его Царскому Величеству извещали, чтоб то Его Царскому Величеству не в кручину было, понеже тот давний обычай войсковой»; 2) «В Войске Запорожском, что своими правами сужи-

валися и вольности свои имели в добрах и в судах, чтоб ни воевода, ни боярин, ни стольник в суды войсковые не вступалися»; 3) «Войско Запорожское в числе 60 000 чтоб всегда полно было» и т. д. Причём, что особо интересно, в «Мартовских статьях» детально оговаривался конкретный размер государева жалованья и земельных владений всей казацкой (войсковой и младшей) старшины, в частности, войскового писаря, войсковых судей, войсковых полковников, полковых есаулов и сотников [22].

Надо сказать, что в современной украинской историографии, да и в широком общественном сознании многих «политических украинцев» господствует устойчивый миф о существовании некой особой формы республиканского правления в Малороссии (Гетманщине), которая зримо проявилась в образе вольной Казацкой державы. Однако даже ряд современных украинских историков, в частности, В.А.Смолий, В.С.Степанков и Н.И.Яковенко, вполне справедливо говорят о том, что в так называемой «Казацкой республике» в гораздо большей степени присутствовали зримые элементы махрового авторитаризма и олигархического правления, особенно во времена гетманства самого Богдана Хмельницкого, Ивана Выговского, Юрия Хмельницкого и Павла Тетери. Причём практически все претенденты на гетманскую булаву, внешне демонстрируя свою приверженность идеям подчинения гетманских полномочий «коллективной воле» Запорожского войска, на деле прилагали максимум усилий для расширения границ своего авторитаризма и даже передачи гетманской булавы по наследству [23]. Более того, профессор Н.И. Яковенко утверждает, что именно при Богдане Хмельницком в Гетманщине установился режим военной диктатуры, поскольку все руководящие посты здесь занимали исключительно войсковые старшины. Также хорошо известно, что многие малороссийские гетманы после своего прихода к власти проводили политику террора в отношении всех политических оппонентов. Например, тот же Иван Выговский только в одном июне 1658 года казнил переяславского полковника Ивана Сулиму, корсунского полковника Тимофея Оникиенко и более десятка полковых сотников. Поэтому, спасаясь от гетманского террора, из Малороссии бежали уманский полковник Иван Беспалый, паволоцкий полковник Михаил Суличич, генеральный есаул Иван Ковалевский, наказной гетман Яким Сомко и многие другие.

Также несостоятельны постоянные ссылки и голословные стенания украинских самостийников об особом национально-автономном статусе Левобережной Украины (Малороссии) в составе Московского царства, так как реально это была не национальная или региональная, а сугубо военно-сословная или полковая автономия, проистекавшая из особого пограничного положения малороссийских и новороссийских земель, расположенных на границах с Крымским ханством и Речью Посполитой. Точно такая же военно-сословная автономия существовала и в землях Донского и Яицкого казачьих войск, которые, как и запорожские казаки, несли пограничную службу на южных рубежах Московского царства, а затем Российской империи.

Принимая Запорожское войско и всю Гетманщину под свою «высокую руку», царь Алексей Михайлович, безусловно, учитывал неизбежность войны с Польшей, поэтому это решение было принято лишь тогда, когда русская армия оказалась в состоянии начать новую войну со своим давним и сильным противником. Новая русско-польская война началась в мае 1654 года, когда 100-тысячная русская армия выступила в поход в трёх главных направлениях: сам царь Алексей Михайлович во главе основных сил двинулся из Москвы на Смоленск, князь Алексей Трубецкой со своими полками выступил из Брянска на соединение с войсками гетмана Богдана Хмельницкого, а боярин Василий Шереметев из Путивля вышел на соединение с запорожскими казаками. Чтобы предупредить возможное выступление турок и крымских татар, тогда же на Дон послали боярина Василия Троекурова с наказом донским казакам зорко стеречь крымские рубежи, а при необходимости не мешкая выступить против неприятеля.

В ходе военной кампании 1654 года русская армия и запорожские казаки, нанеся ряд крупных поражений польско-литовской Квацярной армии гетманов Стефана Потоцкого и Януша Радзивилла, взяли Смоленск, Дорогобуж, Рославль, Полоцк, Гомель, Оршу, Шклов,

Умань и другие города в Белоруссии и Малороссии. Военная кампания 1655 года также оказалась на редкость удачной для русской армии, которая нанесла ещё ряд крупных поражений полякам и овладела Минском, Гродно, Вильно, Ковно и вышла к Бресту. Но к лету 1655 года серьёзно осложнилась ситуация на территории самой Малороссии, поскольку часть казацкой старшины, которая не признала решений Переяславской рады, поддержала польскую шляхту, и коронному гетману Стефану Потоцкому удалось собрать и вооружить новую армию. Однако уже в сер. июня 1655 года отборные полки Богдана Хмельницкого, Алексея Трубецкого и Василия Бутурлина разгромили поляков под Львовом, а сам город взяли в кольцо. Тем временем новый крымский хан Мехмед IV Гирей решил оказать помощь Варшаве и вторгся в пределы Польской Украины, но в районе Озёрной татары были разбиты и поспешно ретировались восвояси. После этих событий польский король Ян II Казимир в панике бежал в Силезию, а литовский гетман Януш Радзивилл переметнулся к шведскому королю Карлу X Густаву, который ещё год назад начал Северную войну (1655–1660) с польской короной [24].

Сокрушительным военным поражением Польши умело воспользовались в Стокгольме, и уже в конце 1655 года шведская армия захватила Познань, Краков, Варшаву и другие города южного соседа. Эта ситуация в корне изменила ход дальнейших событий. Не желая укрепления позиций Швеции в стратегически важном балтийском регионе, под давлением главы Посольского приказа Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нащокина Алексей Михайлович объявил Стокгольму войну и в мае 1656 года русская армия спешно двинулась в Прибалтику. Хотя, по информации того же Г.А.Санина, против этой войны резко выступали многие крупные персоны в окружении царя, в том числе патриарх Никон, Василий Бутурлин, Григорий Ромодановский и другие члены Боярской думы [25]. Более того, Г.А.Санин отвергает традиционное мнение об А.Л.Ордине-Нащокине как самом толковом и успешном дипломате той поры, и говорит о том, что именно его ошибочное решение о начале войны со Швецией не позволило «добить гадину», то есть Польшу, и уже в XVII веке окончательно решить «украинский вопрос» в пользу Москвы.

Между тем начало новой шведской кампании оказалось весьма успешным для русской армии, и буквально за один месяц она овладела Динабургом и Мариенбургом и начала осаду Риги. Однако уже в начале октября, получив известие о том, что Карл X готовит поход в Ливонию, осаду Риги пришлось снять и отойти к Полоцку. В этой ситуации в октябре 1656 года Москва и Варшава подписали Виленское перемирие и начали совместные боевые действия против шведской армии, которая на тот период взяла под контроль значительную часть польской территории.

Это обстоятельство очень напугало Б.Хмельницкого, и уже в начале декабря 1656 года он заключил Раднотский союзный договор со шведским королём Карлом X и седмиградским князем Юрием Ракоци. По этому договору Речь Посполитая должна была исчезнуть с политической карты Европы и разделена между союзниками. А уже в феврале 1657 года во исполнение союзнических обязательств гетман послал на помощь шведам 12.000 запорожских казаков. Узнав об этом, поляки тут же известили о сём факте Москву, откуда к запорожскому гетману была якобы направлена посольская миссия то ли во главе с окольным Богданом Матвеевичем Хитрово, то ли окольным Фёдором Васильевичем Бутурлиным, заставшая запорожского гетмана уже неизлечимо больным [26]. Пытаясь оправдаться перед царским послом, тот поведал ему, что, дескать, в том же феврале 1657 года в Чигирин приезжал королевский посланник полковник Станислав Беневский, предложивший ему перейти на сторону короля, поэтому «вследствие таких хитростей и неправд пустили мы против ляхов часть Войска Запорожского». И в силу этих явно надуманных причин сам Б.Хмельницкий отказался отзывать своих казаков с польского фронта. Однако сами запорожцы, узнав, что их поход не согласован с Москвой, вернулись самочинным путём и заявили своей старшине: «Как де вам было от ляхов тесно, в те

поры вы приклонились к государю, а как де за государевою обороною увидели себе простор и многое владенье и обогатились, так де хотите самовласными панами быть».

Надо признать, что эта версия событий содержится в работах многих, в том числе нынешних украинских историков. Но следует сказать, что известный знаток этой темы доктор исторических наук Г.А.Санин, напротив, утверждает, что в Москве напротив с полным пониманием отнеслись к поведению Богдана Хмельницкого и даже отправили в Чигирин посольского дьяка Артамона Сергеевича Матвеева, который даже одарил запорожского гетмана от имени царя «многими соболями» [27].

Вскоре после отъезда Б.М.Хитрово Богдан Хмельницкий, чувствуя скорый уход из жизни, велел созвать в Чигирине Общевоисковую раду для выбора его преемника, и войсковая старшина избрала новым запорожским гетманом его младшего 16-летнего сына Юрия Хмельницкого. Правда, после смерти отца, в октябре 1657 года на новой Общевоисковой раде, созванной уже в Корсуне, новым запорожским гетманом был избран глава войсковой канцелярии Иван Евстафьевич Выговский.

Надо сказать, что довольно долгое время дата смерти Б.Хмельницкого вызывала бурные споры у историков. Однако теперь точно установлено, что он скоропостижно скончался 27 июля 1657 года от геморрагического инсульта в Чигирине и по его завещанию был погребён рядом с телом погибшего ранее старшего сына Тимофея в родовом хуторе Суботове, в построенной им самим же каменной Ильинской церкви. Правда, в 1664 году польский воевода Стефан Чарнецкий сжёг Суботов, велел выкопать прах Б.Хмельницкого и его сына Тимофея и выбросить их тела на «съедение собакам».

Примечания

- [1] Санин Г.А. Богдан Хмельницкий и Иван Мазепа // Труды Института Российской Истории РАН. Вып. 6. М., 2005; Смолій В.А., Степанков В.С. Богдан Хмельницький. Київ, 2003.
- [2] Бойко О.Д. Історія України. Київ, 2002.
- [3] Крипякевич И.П. Богдан Хмельницкий. Львов, 1990.
- [4] Смолій В.А., Степанков В.С. Богдан Хмельницький. Київ, 2003.
- [5] Летопись самовидца о войнах Богдана Хмельницкого. М., 1846.
- [6] Буцинский П.Н. О Богдане Хмельницком. Харьков, 1892.
- [7] Санин Г.А. Богдан Хмельницкий и Иван Мазепа // Труды Института Российской Истории РАН. Вып. 6. М., 2005.
- [8] Санин Г.А. Богдан Хмельницкий и Иван Мазепа // Труды Института Российской Истории РАН. Вып. 6. М., 2005; Смолій В.А., Степанков В.С. Богдан Хмельницький. Київ, 2003; Яковенко Н.І. Нарис історії України з найдавніших часів до кінця XVIII ст. Київ, 2006.
- [9] Костомаров Н.И. Малороссийский гетман Зиновий-Богдан Хмельницкий // Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. М., 2011; Санин Г.А. Богдан Хмельницкий и Иван Мазепа // Труды Института Российской Истории РАН. Вып. 6. М., 2005.
- [10] Голобуцкий В. Богдан Хмельницький – великий син українського народу. К., 1954; Голубуйкий В.А. Запорожское казачество. К., 1957; Wójcik Z. Jan Kazimierz Waza. W. 1997.
- [11] Брехуненко В.О. Кіндрат Бурляй // Полководці Війська Запорозького. Історичні портрети. Кн. 1. Київ, 1998.
- [12] Грабянка Г.И. Дѣйствія презѣльной и отъ начала поляковъ кравашои небывалой брани Богдана Хмельницкого, гетмана Запорожского зъ поляки. СПб. 1710; Літопис гадяцького полковника Григорія Грабянки. Київ, 1992.
- [13] Голобуцкий В. Богдан Хмельницький – великий син українського народу. К., 1954; Голубуйкий В.А. Запорожское казачество. К., 1957.

- [14] Санин Г.А. Россия и Украина в Вестфальской системе международных отношений, 1648–1667 гг. М., 2018.
- [15] Санин Г.А. Богдан Хмельницкий и Иван Мазепа // Труды Института Российской Истории РАН. Вып. 6. М., 2005; Яковенко Н.І. Нарис історії України з найдавніших часів до кінця XVIII ст. Київ, 2006.
- [16] Костомаров Н.И. Малороссийский гетман Зиновий-Богдан Хмельницкий // Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. М., 2011
- [17] Голобуцкий В. Богдан Хмельницкий – великий син українського народу. К., 1954; Крипякевич И.П. Богдан Хмельницкий. Львов, 1990; Костомаров Н.И. Малороссийский гетман Зиновий-Богдан Хмельницкий // Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. М., 2011; Wójcik Z.S. Wojny kozackie w dawnej Polsce. Warszawa, 1989.
- [18] Липинський В.К. Богдановим шляхом. Львів, 1920.
- [19] Брехуненко В.О. Кіндрат Бурляй // Полководці Війська Запорозького. Історичні портрети. Кн. 1. Київ, 1998.
- [20] Крипякевич И.П. Богдан Хмельницкий. Львов, 1990.
- [21] Мякотин В.А. Переяславский договор 1654 года. Прага, 1930; Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы. Т 1–3. М., 1953; Мышко Д.И. К 300-летию воссоединения Украины с Россией. Переяславская рада 1654 года // «Вопросы истории, 1953. № 12; Козаченко А.И. Земский собор 1653 года // Вопросы истории, 1957. № 5; Решение Земского собора о воссоединении Украины с Россией // Российское законодательство X–XX вв. Т. 3. М., 1985.
- [22] Ригельман А.И. Летописное повествование о Малой России и её народе и казаках вообще... // Чтения в МОИДР. М., 1847, № 5–9; Мякотин В. А. Переяславский договор 1654 года. Прага, 1930; Буганов В.И. Мартовские статьи 1654 // Советская историческая энциклопедия. М., 1973.
- [23] Смолій В.А., Степанков В.С. Богдан Хмельницкий. Київ, 2003; Яковенко Н.І. Нарис історії України з найдавніших часів до кінця XVIII ст. Київ, 2006.
- [24] Курбатов О.А. Государев Смоленский поход 1654 года // Седмица. 2004; Малов А. В. Русско-польская война 1654–1667 гг. М., 2006; Флоря Б.Н. Русское государство и его западные соседи (1655–1661 гг.). М., 2010.
- [25] Санин Г.А. Россия и Украина в Вестфальской системе международных отношений, 1648–1667 гг. М., 2018.
- [26] Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Том 12. М., 1986; Грушевский М.С. История Украины-Руси. Т. IX. Киев, 2004.
- [27] Санин Г.А. Россия и Украина в Вестфальской системе международных отношений, 1648–1667 гг. М., 2018.

**К. Петкевич,
д. и. н., профессор, директор
Института Востока университета
им. А. Мицкевича, Познань, Польша**

Украина на перепутье: Казацкое государство в XVII в

Проблема казацкой государственности играет большую роль в украинском национальном сознании и принадлежит к темам, чаще всего поднимаемым украинскими историками¹. Господствует взгляд, что в 1649 г. завершилось формирование украинской государственной идеи, и это является большим достижением политической культуры народа. С этой точки зрения целью политики Хмельницкого было освобождение украинского народа, и эта идея, вопреки всему, осталась к концу XX в. в сердцах и сознании украинцев². Сформированное в середине XVII в. казацкое государство сохраняло существование некоторых своих институтов вплоть до 1785 г., и у большинства украинских исследователей нет сомнения, что именно казаки были творцами и распространителями украинской национальной и государственной идеи. Очень редко встречаются утверждения, подобные утверждениям П. Толочко, который писал, что «комплекс подданства, к сожалению, был характерен казацким старшинам» и на протяжении всего периода существования гетманской государственности «ни один гетман не имел программы суверенного государства» (Толочко 1997)³. До сих пор не решена дилемма, было ли это суверенное государство – зачаток украинского государства, сформированного в результате долговременного исторического развития, или только автономное «гетманство» – случайный политический феномен, результат народного восстания? Ответ на такой вопрос приближает нас к решению проблемы: существовала ли возможность построения украинского государства в XVII веке? Однако сначала мы должны обратить внимание на исторические условия становления казацкого общества на Украине, а также на действительные общественные и политические силы, которые добились государства и стали его основой.

---

¹ Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы. М., 1954. Т. 3. № 197. С. 410–414.

² Плохий С. Священне право повстання і Берестейська унія і релігійна легітимація Хмельниччини // Держава, суспільство і Церква в Україні у XVII столітті. Львів, 1996.

³ Воссоединение... Т. 3. № 205. С. 467.

Реестровый казак конной сотни

Степная пограничная полоса – Украина. В XV – начале XVII вв. понятие Украина использовалось в значении окраины – пограничной области. Украиной называли широкий пояс земель меж Русью – областью народа оседлого, занимающегося земледелием, и степью – областью кочевников. Южные рубежи русского поселения в средневековье в Причерноморской зоне возможно реконструировать на основе возникшего в конце XIV в. «Списка Русских городов» (Тихомиров 1952). Их определяют на Подолье: Бакота на Днестре, Соколец на р. Кальюс⁴, также Веница, Браславль и Новый городок на Южном Буге; в Киевской земле – Юрьев и Корсунь на Роси; и за Днепром только Хотмышль в верховьях Ворскли и линия городов на Суле.

---

⁴ Там же. С. 468.

Все эти территории завоевала Литва в XIV в. (Шабульдо 1987; 1998). В современной историографии отвергается мнение о катастрофических демографических последствиях монгольского нашествия XIII в., которое якобы спровоцировало уход населения на северо-восток к верховьям Десны и Оки. Напротив, по исследованиям О. Андрияшева и П. Клепатского, Посейме и Путивльский повет в XIV–XV вв. были цветущей провинцией на рубеже татарских кочевий (Русина). За Днепром Литва широко вела политику осаживания бежавших из Орды татарских князей (см.: Bobinski 2000: 99; Архив ЮЗР. Ч. VII. Т. 1: 90, 102; Т. 2: 133–134; Дворцовые разряды...; Kuczynski 1965: 221–226; Lietuvos Metrika 1995 47: 83. Анализ источников мой. – Петкевич 2002: 137–165). Потому предположение М. Грушевского (1стор1я Украйни... 74–76) о том, что среднее Приднепровье, которое «в средневековье было костром политической и экономической жизни не только Украины, но всей Восточной Европы, в XII–XVI вв. стало паром, зарастающим дикой природой, не контролируемой человеком», не имеет никакого основания. Напротив, О. Русина удостоверяет развитие городов под властью Орды, хотя связывает это с преодолением последствий разрушений Галицкой династией, а не с благоприятными условиями этого развития, созданными Золотой Ордой (см.: Кульпин 1998; Клепатский 1912).

Источником исправляемых теперь, но долгими веками упроченных взглядов на русско-татарское соседство, по-моему, есть отождествление эпохи Золотой Орды со временами татарских набегов на Южную Русь, которые начались в конце XV в. Они начались с перемены союзов в Восточной Европе, когда Крымское ханство, союзник Литвы до 1473 г., заключило союз с Иваном III как ответ на противомосковский союз Казимира IV с ханом Большой Орды Ахматом (Podhorodecki 1987: 20). Начались разрушительные походы крымцев на Галицкую Русь и Подолье в 1474 г. и на Киев в 1482 г., предпринятые по желанию Ивана III. Татарские набеги опустошили большие пространства земель, на которых контроль литовского правительства стал чисто символическим. Потери населения оцениваются в 2–2,5 миллиона людей убитыми и взятыми в плен. Замедлился процесс развития городов. К примеру, на Подолье осталось только 2 города и 4 местечка, тогда как на Волыни их было 32 и 89 (Грушевский 2000: 75. Подсчеты: Сас 1989; Ochmanski 1960: 349–398). Область, которая во время Золотой Орды была местом довольно мирной совместной жизни, была разорена (Kolankowski 1930: 5; ПСРЛ, т. XXII: 462; Рапее 1904: 228). Даже Менгли-Гирей не хотел после боев 1486–1491 посещать истребленную Украину: «бо пуста много» (Сб. РИО. Т. 41 № 40: 182).

По мнению М. Грушевского, в конце XV в. «вся Украина... стала сценой страшных опустошений, татарских, турецких, волошских... Достижения цивилизации и культуры многих столетий пропали молниеносно. Вся степная сторона, весь пояс юговосточный вплоть до линии лесов – Переяславльское, южное Черниговское, южное и центральное Киевское и восточное Подолье – стали пустыней, где только в немногочисленных государственных городках и исключительно в непосредственном соседстве держались небольшие группировки населения» (Грушевский 1907: 334335). Согласно работам М. К. Любавского можно судить, что южная граница населения установилась на много столетий вдоль рек: Ягорлык, Кодым, Синюха, Большая Высь, Тясьминь (Любавский 1899: 235–248). Исследованное население: Веница – 7 сел, в 1545 было 21; Брацлав (Брянславль) – 28 сел (1545 – 47 и вол. Красное), итак, едва 35–40 сел во всем Подолье литовском – позднее воеводство Брацлавское). В номенклатуре документов XVI в. территорию, определенную как пограничье, называли по-русски украинами, по-польски «кресами».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.